

СЕКЦИЯ 4

Актуальныя пытанні тэорыі літаратуры, тэксталогіі і літаратурнага перакладу

Анатолій Андреев (Мінск)

ПЕРСОНОЦЕНТРИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мне нравится аналогия, взятая из области «точных наук»; если она и *хромает*, то не слишком заметно для моего, гуманитарного глаза.

Материя, как известно, состоит из маленьких частиц.

Это соответствует действительности, в общем и целом, в принципиальном плане. Все макро состоит из микро. Возражений нет. Можно назвать частицы атомами. Что, собственно, Демокрит и сделал. И по-своему был прав. А из чего состоят атомы?

Из атомного ядра и электронов. А ядро состоит из протонов и нейтронов.

А они в свою очередь? Из кварков. А те?

Из еще более мелких частиц, из нейтрино, кажется. И так далее. Вплоть до бозона Хиггса. Я могу сбиться в этой матрешке (да и не вполне корректно называть ее матрешкой), но мне важно зафиксировать принцип углубления познания. Мы все время, изучая одно и то же, буквально меняем объекты познания и типы их отношений. В конце концов, приходим к тому, что частица уже и не является частицей, а, изменяя свою природу, становится волной. И природа *амбивалентной* материи уже рассматривается совершенно под иным углом зрения.

Примерно то же самое происходит и в литературоведении.

В произведении, этом атоме литературы, можно разграничить содержание и форму (это еще Аристотель сделал). В общем и целом это верно.

Однако структурирование художественного содержания может быть разным — в зависимости от того, по какому основанию оно проводится (не будем здесь вдаваться в подробности; отметим лишь, что принцип наличия *универсального начала в содержании* всегда был актуален).

В конце концов, структура художественности сегодня далеко ушла от идеи разграничения содержания и формы и при этом обрела достаточно зрелый вид (тут также своя матрешка, и даже не совсем матрешка, где *системные* связи уровней-ингредиентов трансформировались в *целостные*). Художественное произведение, в конце концов, тоже стало осознаваться как амбивалентный объект. В нем обнаруживаются и черты науки (отношение сознания), и черты искусства (отношение психики).

Какова наиболее универсальная современная версия структуры художественности?

Прежде всего — изменилось представление о природе художественности.

Художественность — это способ существования абстрактно-логической информации (идейно-духовного содержания), организованной по законам красоты чувственно воспринимаемыми образами; и организация представляет собой в конечном счете инструмент (способ) осмысления и оценки этого содержания — то есть организация (стиль) включается в содержание, становится им. Степень художественности — это степень значительности идей (здесь мы руководствуемся научно-философским критерием — критерием истины), непосредственно зависящая от степени индивидуальности и выразительности образов (а здесь в права вступает собственно эстетический критерий), в которых — и только в которых! — и живут эти идеи. Иначе: это всегда выявление и подчеркивание в материале, организованном по законам образного мышления, таких его сторон и отношений, которые не противоречат универсальным законам объективной реальности; это образное познание действительности, высший предел которого — философия в образах.

Итак, уровень художественности или степень совершенства художественных произведений определяются не качеством идейного материала как такового и не арсеналом выразительных средств как таковых, а, в первую очередь, степенью соответствия выразительности по отношению к воплощаемой системе идей. Художественность — это категория, фиксирующая **отношения** художественного содержания и стиля. Органичное, целостное существование концептуальной системности (нравственно-философских стратегий), художественных стратегий и чувственно воспринимаемой стилиевой выразительности — вот универсальный критерий художественности; в качестве относительных (не универсальных) могут выступать потенциал системности (глубина и значительность мировоззренческих концепций) и потенциал выразительности (виртуозное владение элементами стиля, что свойственно, в частности, современной гейм-литературе). Парадоксальным образом художественная информация, которая оценивается по собственно философским и собственно эстетическим критериям (а иным попросту неоткуда взяться в информационном пространстве, где взаимодействуют психика и сознание), не может быть объективно оценена в рамках их относительно автономных систем. Художественная информация оценивается по художественным критериям — которые парадоксальным образом упираются все в те же философскую и эстетическую составляющие [1].

Легко увидеть, что ядро в таком ключе понимаемой художественности составляет **концепция личности**. Получается: если исследователь затронул саму категорию содержание, рано или поздно он неминуемо придет к сути гуманистического содержания, которое фокусируется вокруг понятия личность. Сегодня уже мало сказать **антропологическое** литературоведение; последовательный курс на антропологизацию содержания неизбежно приводит к **персоноцентризму** — и в культуре и, разумеется, в литературе.

Для того чтобы концепция личности стала смысловой доминантой художественности, возникла необходимость в двух теориях: **двух языков культуры — психики и сознания и целостности — системности** [1].

Однако кроме персоноцентрического мы имеем еще по крайней мере два актуальных типа художественности. Если мы определяем человека как «совокупность общественных (социальных) отношений» (Маркс), что было свойственно социологически ориентированному, в том числе марксистскому, литературоведению, то природа художественности последовательно трактуется в социоцентрическом плане; при этом приоритет идейного содержания структурирует любую иерархию именно «под генеральную идею» (по принципу системности). Социальная природа духовности и саму литературу делает прежде всего социальным феноменом. Человек социальный, идеологический, системно организованный — осознается как мера всех вещей.

Заметим, что в рамках персоноцентрической теории личность как универсальная доминанта содержания берет на себя функцию главного критерия художественности. Если совсем просто, то уровень персоноцентризма определяет уровень художественности. Не человек, а личность, человек *разумный*, становится мерой всех вещей.

Наконец, мерой всех вещей (началом универсальным) может быть не личность, не человек социальный, а нечто неразумное, но претендующее на право репрезентировать высшую сущность человека: *индивид* с его культом *интеллекта* (де факто являющегося культом бессознательного!). Индивид — вот подлинный культурный герой современной гейм-литературы, которая позиционирует себя как единственно возможную (асоциальную, естественно: миф о чистом искусстве никуда не исчез) альтернативу массовой (социальной) литературе. Литературоведение, обслуживающее различные практики эстетически прихотливых нарративов, вынуждено отказаться от категории содержания и, соответственно, в очередной раз, пусть и без прежнего энтузиазма, провозгласить культ формы. Наиболее авторитетной школой бессодержательного литературоведения является нарратология. Отрицание набившего оскомину социологизма в литературе и литературоведении обернулось отрицанием содержания как такового; разумеется, в очередной раз форма превратилась в содержание.

Массовая, морально-социальная литература не упускает шанс в свою очередь заявить о себе как о единственно возможной альтернативе «бездуховной» гейм-литературе (здесь ирония в том, что моральность массовой литературы выступает ничем иным, как формой бездуховности); мерой вещей социально-массовой литературы провозглашается старый добрый человек, та самая ходячая совокупность социальных отношений.

В отличие от познания атома постижение природы художественности всегда связано с социальным заказом, и научность интересуется «заказчика» (коллективное бессознательное) в последнюю очередь. Несмотря на то, что персоноцентрическое литературоведение («целостный анализ») философско-методологически обосновано, общественное мнение (не без вызова именующее себя сознанием) предпочитает его не замечать. Сегодня, как и сто лет тому назад, продолжают невразумительно говорить о теме, идее, героях, содержании, форме — о самой общей и весьма приблизительной характеристике

художественных произведений. О системе, чуждой амбивалентности. Все *как бы* и верно (потревожим тени Демокрита и Аристотеля) — но совершенно не научно. Архаично. Социологично.

В результате несколько «параллельных наук» функционируют одновременно. Это же ни в сказке сказать, ни пером описать. Вчерашний день запросто может опережать сегодняшний. Литературоведение в буквальном смысле живет вчерашним днем. Вот такое сказочное отношение ко времени в науке о литературе.

Чтобы сколько-нибудь полно осознать положение вещей, необходимо иметь в виду два обстоятельства, имеющих отношение к «соцзаказу».

Первое. В развитии целостно-антропологического литературоведения заинтересованы развитые, великие литературы мира, в которых персоноцентрическое начало выражено отчетливо и недвусмысленно. В первую очередь — русская литература. Подавляющее количество национальных литератур мира в этом не заинтересовано. Кроме того, персоноцентризм — это ведь не собственно литературная теория, она касается всей художественной сферы деятельности человека. Применение внятных и научно обоснованных критериев художественности угрожает обрушить рынок искусства. Художественные критерии — это не вопрос «чистой» науки, это большой социально-экономический проект.

Второе. Развитие литературы и литературоведения, ориентированных на личность, невыгодно и с точки зрения «культурной перспективы». Содержать личность со всеми ее культурными запросами и потребностями обществу представляется экономически нецелесообразно (если допустить, что мера всех вещей — деньги); к тому же личностей в эпоху персоноцентрического художественного взлета (XIX–XX вв.) оказалось настолько мало, что должным образом не сформировались философия и этика этой аристократической страты, мотивационная сфера, связанная с личностными интересами, а также социальные механизмы, позволяющие личности интегрироваться в общество.

Общество оказалось не готово к своим великим достижениям в области гуманистики. А свято место пусто не бывает, гласит социальная мудрость. На смену литературе личностно ориентированной девятым валом обрушилась литература социально ангажированная, социально востребованная, социально ориентированная — словом, во всех смыслах социальная, но далеко не во всех — художественная.

Духовные проблемы человека оказались неинтересны «простым» людям; проблемы человека оказались востребованы только как социальные проблемы. Внутренний мир можно рассмотреть только сквозь призму социального: таков девиз новейшей (новое, не забудем, — хорошо забытое старое) литературы. Это максимум что может себе позволить «серьезная» литература, «духовную» функцию которой стремится присвоить себе литература массовая — на том основании, что она «не брезгает социальным» (в отличие от кичливого индивидоцентризма или избирательного персоноцентризма).

Литература массовая всегда культивировала человека социального; абсолютизация социальности в литературе ведет к культу историй, приключений — в идеале к детективу, к чистому сюжетному напряжению, вписанному в социальный контекст. Почему? Потому что сама литература становится сегментом рынка развлечений — делом сугубо социальным и, следовательно, экономическим. Абсолютизация же персоноцентризма и связанных с ним литературных достоинств ведет к оттеснению социальности на духовно-художественную периферию.

Итак, культ социально ориентированной литературы реанимировал социальное литературоведение. Научно несостоятельное весьма поучительно оказалось общественно востребованным. Именно так сказка стала былью.

Если оценивать «методологические приключения» в науке о литературе с позиций культуры — то есть основания говорить о печальном повороте сюжета. Конечно, хочется считать возврат к социальному (или формальному, что легко объяснимо: крайности сходятся) литературоведению краткосрочным рецидивом; ведь уже написан «Евгений Онегин», уже целостные отношения текста и метатекста осознаются как реальность — персоноцентрическая, заметим, реальность.

Тем не менее пока что рассуждения, наподобие предложенных в этом докладе, благоразумнее завершать большим знаком вопроса.

Что я и делаю. Без особого удовольствия, но с чувством выполненного научного долга.

Литература

1. Андреев, А. Н. Лекции по теории литературы. Целостный анализ литературного произведения: учебн. пособие. / А. Н. Андреев; Белорусский государственный университет. — Минск, 2012. — 144 с. — Деп. в БГУ 09.08.2012, № 000309082012 — Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/14157>.

Ульяна Верина (Минск)

СТРЕМЛЕНИЕ К БОЛЬШОМУ, ПОИСКИ МАЛОГО: ЖАНР, СУБЪЕКТИВНОСТЬ, КОНТЕКСТ КАК ПРОБЛЕМНЫЕ ПОЛЯ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ*

Поэзия последних двух десятилетий — сложное, разнообразное до гетерогенности явление, а главное — незавершенное, становящееся и потому трудно поддающееся систематизации, типологизации — многим средствам традиционной научной методологии. Не впервые наука сталкивается с необходимостью осмыслить не поддающееся устойчивым научным критериям явление. И, надо сказать, что каждый раз такие исследования вели к большим открытиям, правда, в естественных науках, в философии и социологии, а не в литературоведении.

Перестав отрицать современность как насущную и доступную для себя область, литературоведение начало обновлять свои подходы, по крайней мере,

*Работа выполнена при поддержке БРФФИ, договор Г13Р-002.